

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ НА КНИГУ:

ФОНЬ-ВИЗИНЪ.

СОЧИНЕНІЕ КНЯЗЯ ВЯЗЕМСКАГО.

Дамъ сочувствія истинному достоинству и сохраненіе вѣрности къ собственнымъ убѣжденіямъ, когда они неопыбчны, конечно, заслуживаютъ всякое уваженіе; но если мы сочувствуемъ людямъ недостойнымъ, а убѣжденія наши въ основаніи своемъ не имѣютъ истины, тогда остается только пожалѣть о тѣхъ, которые подверглись оболъщенію. Мысли эти невольно родились по прочтеніи книги подъ заглавіемъ: «Фонь-Визинъ.» Авторъ, кажется, рѣшился защищать всѣми силами и превозносить такъ называемыхъ философовъ XVIII вѣка (энциклопедистовъ) и съ презрѣніемъ отзываться о тѣхъ (1), которые осмѣлились сказать что нибудь не въ похвалу корифеевъ философіи прошедшаго вѣка. Записки того времени не позволяютъ ни мало сомнѣваться въ образѣ жизни и дѣйствіи философовъ; а глубокіе мыслители и первостепенные ученые нашего столѣтія обнаружили ихъ ложное ученіе. Превозносить похвалами Вольтера, Даламберта и Дидерота было бы нѣсколько извинительно въ прошедшемъ XVIII вѣкѣ, но въ XIX это уже становится анахронизмомъ. Въ подтвержденіе сказаннаго укажемъ, какой степени довѣрія заслуживаютъ неумѣренные похвалы, приписываемыя біографомъ Д. И. Фонь-Визина философамъ XVIII столѣтія, и несправедливыя порицанія, которымъ подвергся знаменитый нашъ соотечественникъ.

Вотъ два мѣста изъ писемъ Д. И. Фонь-Визина къ графу П. И. Павину, которыя вывали сильное негодованіе его біографа.

»Даламберты, Дидероты, въ своемъ родѣ такіе же шарлатаны, какихъ видалъ я всякой день на бульварѣ: всѣ они народъ обманываютъ за деньги.

»Конечно ни одинъ изъ нихъ не поколеблется сдѣлать презрительнѣйшую подлость для корысти или тщеславія.»

Выпишемъ обвиненіе: »Но негодуя на суетность и на малодушіе поколѣнія и не храня въ негодованіи своемъ ни снисхожденія, ни мѣры, какъ подводить ему (Д. И. Фонь-Визину) было подъ одно нареканіе, или лучше сказать, подъ одно проклятіе, тѣхъ, кои служили оплотомъ (???) противъ общаго паденія, сражались (???) съ предразсудками (???) и пороками (???)? Какъ ему не отдѣлать тѣхъ, которые, не смотря на всѣ слабости, на всѣ постыдныя покушенія сей эпохи, соединеніемъ необыкновенныхъ дарованій, (???) мужественнымъ развитіемъ умственныхъ силъ (??) придали ей блескъ, важность и вліяніе, едвали встрѣчаемыя въ другихъ эпохахъ исторіи человѣчества? Какъ ему, автору, не сочувствовать (???) мужамъ знаменитымъ (???), которые въ лицѣ своемъ умѣли возвыситься (???) авторское званіе до степени уваженія (???), могущества и господства?... Какъ о людяхъ, по крайней мѣрѣ, возвышенныхъ (???) судить съ надменностію, съ небреженіемъ, приличными спеси ???) или ожесточенію (???) одного невѣжества (???)? Зачѣмъ быть клеветникомъ (???) , или отголоскомъ клеветы (???) (въ этомъ случаѣ все равно), упоминая о людяхъ, которые составляютъ лучшее (???) и негнѣнное (???) отдѣленіе общества (???) и остаются на вершинахъ (???) столѣтій (???) , когда падаютъ и исчезаютъ цѣлыя поколѣнія?» (2),

Отзывы современныхъ и позднѣйшихъ литераторовъ и публицистовъ (3) не соглашаются съ этимъ мнѣніемъ біографа, и скорѣе оправдываютъ сужденія и заключенія Д. И. Фонь-Визина; выпишемъ нѣсколько такихъ отзывовъ:

«A l'effronterie des cyniques ils (les philosophes) joignent l'impudence de débiter tous les paradoxes qui leur tombent dans la tête» (premier dialogue des morts: Frédéric II, roi de Prusse).

«Où est le philosophe qui pour sa gloire, ne tromperait pas volontiers le genre humain? Où est

«Къ наглости циниковъ, они/ (философы) присоединяютъ безстыдство разглашать ложныя мнѣнія, какія имъ только впадутъ на мысль.» (Фридрихъ II, Король Пруссій).

«Гдѣ найти философа, который не рѣшился бы охотно обмануть весь родъ человѣчскій

(1) Спб. 1848 года.

(2) Развѣ одинъ графъ Местръ могъ пережегать Фонь-Визина, и то когда онъ воздвигалъ памятникъ Вольтеру рукою палача («Фонь-Визинъ, сочиненіе Князя Вяземскаго», страница 131).

(3) Фонь-Визинъ, сочиненіе князя Петра Вяземскаго, стран. 125 и 126.

(4) Auger, de Barante, Bautain, Benjamin - Constant, de Bonald, Burke, Capesigue, Chateaubriand, Cuvier, Ferrand, Ferrussac, Lamartine, C-te de Maistre, Roselly de Lorgues, Talleyrand-Périgord, Walter-Scott и множество другихъ.

celui qui dans le secret de son coeur se propose un autre objet que de se distinguer? Pourvu qu'il s'élève au-dessus du vulgaire, pourvu qu'il efface l'éclat de ses concurrents, que demande-t-il de plus? L'essentiel est de penser autrement que les autres; chez les croyans il est athée, chez les athées il serait croyant.» (Emile, tome IV, Jean-Jaques Rousseau).

«Comme vous connaissez ma ferme résolution de ne jamais publier ni reconnaître certaines œuvres, voir même de les désavouer, s'il le faut, à l'exemple de notre cher patriarche (Voltaire) qui ne manque jamais de désavouer tout ce qu'il fait de dangereux ou de médiocre, vous voudrez bien ne rien dire de mon dialogue anti-féminin.» (Lettre à M-r Thomas, de Naples, 24 Décembre 1772, par l'Abbé Galiani).

Que vous a fait notre patriarche (Voltaire), pour le traiter à la manière des Nonote, des Patouillet?..... Vous avez déchiré ses Annales, et vous l'avez traité comme un écolier en histoire? Faut-il donc tant d'esprit pour aligner des dates? Et si l'on vous demandait compte de tous les chapitres que vous avez publiés dans votre histoire philosophique, (Histoire phil. et polit. des établissemens et du commerce des Européens dans les deux Indes) sans les connaître? N'est-il pas convenu que c'est généralement pour les sots que nous écrivons tous? Qu'importe qu'un livre soit bien ou mal fait, qu'il présente des vérités ou des paradoxes; pour trouver des lecteurs et faire le tour du monde, n'est-ce pas assez que son passe-port soit revêtu de la signature vraie ou fausse d'un homme célèbre, voir même d'un académicien qui n'aura jamais écrit que pour signer son nom?» (Lettre à M-r l'Abbé Raynal, Naples, 30 Décembre 1772, par l'Abbé Galiani).

«Ce siècle s'est appelé lui-même le siècle de la philosophie: depuis les premiers écrivains jusqu'aux derniers, depuis Voltaire jusqu'à Mercier, tous se sont appelés philosophes, tous ont vanté le siècle philosophe. Ce nom, affecté avec tant de prétention, prôné avec tant d'emphase, répété jusqu'au dégoût, devait d'abord, par cela même, être fort suspect à la raison. La raison est ennemie du charlatanisme, et il y en avait certainement à s'arroger ainsi un titre qu'il faut attendre de la postérité.» (Lycée ou cours de littérature ancienne et moderne par La Harpe).

Le caractère général, très-marqué dans le dix-huitième siècle, surtout depuis cinquante ans, ait été le plus honteux abus de l'esprit et du raisonnement dans tous les genres, succédant aux plus beaux efforts de la raison et du génie; ne doit on pas conclure que la postérité ne verra dans notre siècle, et principalement en France, que la plus

для собственной славы? Гдѣ тотъ, который въ тайнѣ сердца своего имѣлъ бы другую цѣль, кромѣ желанія отличиться? Лишь бы возвыситься надъ толпою, лишь бы затмить славу своихъ соперниковъ: чего ему болѣе желать? Главное дѣло—мыслить не такъ какъ другіе: между вѣрующими онъ будетъ безбожникомъ, между безбожниковъ—вѣрующимъ. (*Жанъ-Жакъ Руссо*)

«Какъ вамъ уже извѣстно, твердая рѣшимость моя—никогда не издавать въ свѣтъ, и не признавать своими нѣкоторыя сочиненія, даже *отпереться* отъ нихъ, если то нужно будетъ, по примѣру любезнаго нашего патріарха (Вольтера), который никогда не пропустилъ случая *отречься* отъ всего имъ сочиненнаго посредственнаго, или опаснаго, я прошу васъ ничего не говорить о моемъ разговорѣ противъ женщинъ.» (Аббатъ Галиани).

«Что такое сдѣлалъ вамъ патріархъ нашъ (Вольтеръ), чтобы поступить съ нимъ, какъ поступали Ноноты и Патулье?... Вы напали на его Лѣтописи, и относительно части исторической, и поступили съ нимъ какъ съ школьникомъ. Ужели много требуется ума, чтобы умѣть подводить числа? А если бы у васъ потребовали отчета во всѣхъ тѣхъ главахъ, о которыхъ, не имѣя никакого понятія, вы напечатали въ вашей философической исторіи? Развѣ не положено между нами, что всѣ мы вообще ~~пишемъ для мушкетеровъ? Никакъ до того надобность~~, что книга хорошо или дурно написана, что она заключаетъ въ себѣ мнѣнія истинныя или ложныя, недостаточно ли того, чтобы свѣдѣтельство объ ней было скрѣплено подлинною или подложною подписью знаменитаго человека и даже члена академіи, умѣющаго только подписывать свое имя, чтобы найти читателей и обойти всю землю?» (Аббатъ Галиани).

«Этотъ вѣкъ (XVIII) самъ называлъ себя философскимъ, отъ первостепенныхъ писателей до послѣднихъ, отъ Вольтера до Мерсье, всѣ называли себя философами, всѣ прославляли вѣкъ философіи. Это титуло, присвоенное съ такимъ самонадѣяніемъ, превозносимое съ такимъ восторженнымъ усиліемъ, повторяемое до отвращенія,—по тому самому должно было казаться разуму подозрительнымъ. Разумъ—врагъ шарлатанства, и конечно не безъ шарлатанства этотъ вѣкъ присвоилъ себѣ титуло, котораго слѣдовало ожидать отъ одного только потомства.» (Лагарпъ).

«Въ осьмнадцатомъ вѣкѣ, особенно въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, общій отличительный характеръ его представляетъ самое постыднѣйшее злоупотребленіе ума и разсужденій во всѣхъ родахъ, наступившее послѣ прекраснѣйшихъ усилій генія и разума; не слѣдуетъ ли заключить, что въ глазахъ потомства, нашъ

дésastreuse époque de dégradation, et que ce grand titre de siècle philosophe ne sera pour nos neveux, que ce qu'il est déjà, pour tous les gens sensés, une espèce de sobriquet, très-ridicule, une sorte de contre-vérité.» (Lycée ou cours de littérature ancienne et moderne par La Harpe).

«Il n'en résulte donc qu'une grande et amère confusion pour ceux, qui ont donné à cette démente le nom d'esprit philosophique du siècle.» (Lycée ou cours de littérature ancienne et moderne par La Harpe).

«La dignité, qui accompagne naturellement la sagesse, n'est pas plus susceptible, qu'elle, de se démentir et de se troubler; et dès que nos sophistes étaient attaqués, toute leur pitoyable morgue faisait place à des emportements puérils, comme ils le firent voir à l'époque fameuse de la comédie des Philosophes..... Tout ce que des hommes ivres d'amour-propre, peuvent concevoir de rage, quand il est offensé, parut alors à découvert, et cette hypocrite philosophie jetant à bas ses livrées de vertu et de modération, fut mise à nu, bien plus par la fureur de ses ressentiments que par la main de son adversaire. Elle vomit à flots tous les poisons de la calomnie la plus éffrontée, et le peu d'art qu'elle mit dans ses libelles atteste encore, ainsi que autres exemples, qu'elle n'avait pas plus de goût, que de principes de morale.» (Lycée ou cours de littérature ancienne et moderne par La Harpe).

«Voilà ce qui rend nos sophistes à jamais inexcusables: ils sont encore beaucoup moins trompés que trompeurs; ils mentent sans pudeur, non seulement aux autres, mais à eux-mêmes: ils mentent, et si visiblement, que chacune de leurs imputations est un aveu implicite de leur mauvaise foi, qui équivaut à celui-ci: Je suis un imposteur, et je veux l'être, car ne pouvant pas attaquer avec avantage ce qu'on a dit, il faut bien pue j'attaque ce qu'on n'a pas dit.» (Lycée ou cours de littérature ancienne et moderne par La Harpe).

Приведенные здесь отзывы о такъ называемыхъ философахъ XVIII вѣка принадлежать не врагамъ ихъ, но Фридриху II, Королю Прусскому, покровительствовавшему энциклопедистамъ, Жанъ-Жаку Руссо, корифею философіи XVIII вѣка, аббату Галіани, одному изъ самыхъ короткихъ друзей энциклопедистовъ, и Лагарпу, который, до обращенія своего во время ужасовъ революціи, раздѣлялъ вполне ихъ ложное ученіе.

Въ запискахъ Таллейрана, хотя не имъ самимъ изданныхъ, но несомнѣнно имъ самимъ писанныхъ, знаменитый дипломатъ, который такъ хорошо зналъ людей своего времени, вотъ что говорить о философахъ:

«Les philosophes, connus sous le titre d'encyclopédistes, formaient véritablement un corps renforcé de savants, soutenu de gens de lettres, avec lesquels eux-mêmes se confondaient. Ils savaient tous les biens sociaux, en retour de certaines bonnes maximes mises en avant. Amateurs du luxe, de la bonne chère, du bien-vivre, de la parfaite compagnie, ils la flagornaient, et tiraient sur elle à boulets rouges dans leurs cercles; ils lançaient des mensonges in-

вѣкъ (XVIII), и особенно во Франціи, есть несчастнейшая эпоха глубокаго униженія, и что это великолѣпное титло философскаго вѣка для потомковъ нашихъ будетъ тѣмъ, чѣмъ уже теперь для всякаго благомыслящаго человека, ми что иное, какъ прозвище въ нашію данное, и что-то противное истинѣ.»

(Лагарпъ).

«Великое и горькое посрамленіе будетъ удѣломъ тѣхъ, которые это безуміе назвали философскимъ духомъ вѣка.» (Лагарпъ).

Истинная мудрость неспособна ни измѣнять себя, ни смущаться; но при первомъ нападении на нашихъ софистовъ, жалкая спесь ихъ уступила мѣсто ребяческой раздражительности, которую они выказали во время появленія известной комедіи: «Философы».... Все бѣшенство людей, упоенныхъ самолюбіемъ, обнаружилось, при оскорбленіи, во всей наготѣ своей, и эта лицемѣрная философія, сбросивъ съ себя обманчивую личину добродѣтели и скромности, обнажена была не рукою противника, но болѣе бѣшенствомъ, возбужденнымъ собственною злобою. Эта философія изливала весь ядъ самой безстыдной клеветы, и пошлое остроуміе ея пасквилей, свидѣтельствоуетъ совершенный недостатокъ правилъ нравственности и вкуса, не только въ этомъ дѣлѣ, но и во множествѣ другихъ случаевъ.» (Лагарпъ).

«Вотъ въ чемъ наши софисты никогда оправдаться не могутъ: они были менѣе обмануты, нежели сколько сами обманывали; *мрутъ безъ стыда*, не только постороннимъ, но и другъ другу; *мрутъ* и притомъ такъ явно, что во всякой клеветѣ ихъ заключается подразумѣваемое признаніе, высказывающее само собою слѣдующее: я обманщикъ и хочу быть такимъ; ибо не имѣя возможности съ пользою опровергать то, что сказано, мнѣ остается только нападать на то, о чемъ совсѣмъ говорено не было.» (Лагарпъ).

«Философы, известные подъ названіемъ энциклопедистовъ, дѣйствительно составляли общество, подкрѣпляемое учеными и поддерживаемое литераторами: они поощляли себя въ одинъ разрядъ съ тѣми и другими. Въ замѣнъ известныхъ хорошихъ правилъ, которыми они все прикрывали, они подрывали всѣ общественныя связи. Любя роскошь, вкусный столъ, комфортъ лучшаго общества, въ своемъ